

*Посвящается моей супруге Евангелине, красивой,
терпеливой и нежной половинке моей души...*

ПРОЛОГ

— Ну что же, неплохо. Я бы даже сказал — очень хорошо!

Врач еще раз посмотрел результаты анализов и сновриво-сто защелкал клавишами древней клавиатуры, внося в личное дело больного очередную запись.

«Последние десять лет я от вас, эскулапов, другого и не слышал. С тех самых пор, как обнаружили рак и вырезали половину желудка к чертям собачьим. Только и говорят, что все неплохо или даже вообще хорошо... А чувствую себя все хуже и хуже. Видимо, надо понимать так — вы неплохо приблизились к могиле, уважаемый пациент. Так держать!»

Черный юмор — это было одно из немногих удовольствий, доступных сидящему на приеме в онкологической клинике мужчине. Все остальные радости жизни в основном проходили по разряду «бывшие». Как и сам он. Бывший слесарь, токарь, да и вообще мастер на все руки. Даже металлург! Довелось как-то три года поработать в литейном цеху родного машиностроительного завода, пока в техникуме на заочном учился. Трижды бывший муж. Но самое главное — он ни единого раза не был счастливым отцом...

— Так. Вот это отдадите в нашей аптеке провизору, будет готово в следующий четверг. А вот это вы уж сами. Остальное как обычно, всего хорошего.

Выйдя в коридор, основательно пропитанный специфическим запахом хлорки и прочих больничных запахов, пожилой мужчина посторонился, пропуская в кабинет следующего в очереди. Вздохнул и без особой спешки похромал по хорошо знакомому маршруту — отоваривать исписанные непонятной латынью рецепты. С некоторых пор (особенно после химиотерапии) лекарства прочно вошли в его

жизнь, став ее неотъемлемой частью: два раза в день, рано утром и поздно вечером, он глотал желтоватые горошины таблеток и очень радовался, что их только две. А не двадцать две и за один раз. Еще у него как-то незаметно появилась привычка постоянно молчать — все равно ведь разговаривать не с кем. Друзей-товарищей по жизни было достаточно, да только все они разбросаны по необъятным просторам бывшей империи Советов. Так, иногда письма приходят, да и то все реже и реже — увы, время не щадит никого. Вот и родители умерли, так и не дождавшись от единственного сына внуков. А жены?..

Проводив глазами тройку мальчишек, обогнавших его на тротуаре, Виктор непроизвольно вздохнул. М-да. Семейная жизнь у него как-то и не сложилась. Нет, какое-то время все было хорошо, но стоило только женам узнать, что детей от него ждать не стоит... Дольше всех прожил с последней, третьей по счету. Целых пять лет. А ведь поначалу он только радовался, что предохраняться не надо!

«Потому что дурак был, и мозгов не хватило. Сам не можешь — так возьми и усынови из детдома маленькую ляльку. Или даже двух. Эх, раньше бы!»

За лекарствами пришлось постоять — впрочем, Виктор Николаевич все равно никуда не торопился. Выйдя на широкое крыльцо поликлиники, он первым делом уточнил, который нынче час, после чего все той же прихрамывающей походкой отправился к остановке, раздумывая по пути. Не о здоровье, как можно было бы ожидать, — нет. О том, собрали ли ему в областной публичной библиотеке, где он уже давно стал завсегдатаем, заказанные книги. А также о том, получится ли у него хоть когда-нибудь приблизиться к разгадке небольшой, но такой важной для него тайны. Тайны своих снов...

ГЛАВА 1

Когда мужику в возрасте «сильно за полтинник», воспитанному в классических традициях научного атеизма, приходят навязчивые сны о том, что он трехлетний мальчик, остается два выхода. Принять как факт, что собственная шизофрения цветет и крепнет прямо на глазах, — после чего безотлагательно напроситься на постой в профильное медучреждение. Или никуда не обращаться и тихо надеяться, что все как-нибудь рассосется само собой. Ну или с помощью народных сорокаградусных средств. Виктор выбрал второй вариант и довольно скоро выяснил, что водка абсолютно бесполезна. Как и вообще любые спиртосодержащие жидкости. Таблетки, от снотворного до успокаивающего, тоже. А вот фитотерапия, которую он попробовал совершенно случайно (вернее, просто от отчаяния), неожиданно помогла — сны хотя и не ушли совсем, но их содержание забывалось буквально сразу после пробуждения. За следующие два года Виктор из пользователя-«чайника» превратился в настоящего эксперта по лекарственным травам, грибам-ягодам и прочим полезным (и не очень) дарам природы, а также самым экзотическим смесям на их основе, — и все это благодаря здоровому восьмичасовому сну. Вернее, непрерывным попыткам сделать его таковым. Побочным, и очень приятным, эффектом невольного хобби стал отказ от половины лекарств, положенных ему по его многочисленным болячкам. И ведь не сказать, что он так уж резко оздоровел, — нет, конечно. Просто (как удалось выяснить опытно-экспериментальным путем) правильно составленный и заваренный сбор взаимодополняющих друг друга трав достаточно уверенно заменяет патентованную химию

из аптеки. С приятными побочными эффектами вроде повышенной бодрости и хорошего самочувствия. К очень большому сожалению мастера-самоучки, остановиться на достигнутом и наслаждаться заслуженным успехом никак не получалось: месяца два-три, самое большее четыре — и очередной настой, экстракт или отвар «приедался». После чего сны опять становились... Н-да. Сны. Удивительнейшие, каждый раз в чем-то одинаковые и в то же время неуловимо разные, пугающие своей реалистичностью и сочными красками. А особенно «послевкусием» в виде непонятно откуда приходящих желаний и даже (как это ни удивительно!) умений. В качестве самого заметного примера таких желаний можно было привести немотивированно сильный интерес к конному спорту, а заодно и фехтованию. Причем (как это ни странно) только и исключительно саблей. Иногда тело прямо требовало взять в руки хорошо отточенную железяку и всласть ею помахать — с тонким свистом пластаемого воздуха, резкими движениями, с обязательной сладкой истомой в натруженных мышцах.

С умениями было еще занятнее. Так как второе место самых заметных странностей прочно занимала невероятная, просто фанатичная тяга к посещению церкви, причем не раз в месяц или даже в неделю. Нет, каждый день, да еще желательно и утром, и вечером! То как-то совсем неожиданно выяснилось, что некоторые молитвы у него, как говорится, просто от зубов отскакивают. Правда, крест налагается почему-то исключительно двуперстием. А прорезавшееся в один прекрасный день знание церковнославянского? И ладно бы просто знание — нет, он на нем (пусть весьма коряво и с заметным усилием) ЧИТАЛ и ПИСАЛ! После всего этого совсем не удивляла появившаяся вдруг привычка цитировать вслух отрывки из такой очень специфичной литературы, как «Чтение о житии и погублении блаженных страсто-терпцев Бориса и Глеба». Разумеется, исключительно на старославянском. Отчего все, кто это слышал, сразу начинали интересоваться — какую семинарию закончил батюшка и почему же он одет не по-«уставному»? Где положенная ему борода? Да и крест свой зачем-то запрятал — отринули от сана, что ли?

Ну а третьей странностью, вовсе уж не понятной, было

то, что изредка ему виделось странное свечение вокруг собственных рук. Накатывало легкое тепло, приятно покалывало кожу...

Впрочем, были во всем этом и исключительно хорошие моменты. Иногда в голове проявлялись обрывки эмоций — невероятно, невозможно чистых и ярких. Таких, о которых сам он давно уже позабыл, омывающих его огрубевшую и порядком зачерствевшую душу потоком живительной влаги. Смех и обида, любопытство и настороженность, ликующая радость и подлинное горе... Соседи иногда косились — степенный вроде мужчина, а ходит весь день и улыбается, прямо как полоумный. Ну или там посреди разговора возьмет и нахмурится, чуть ли не заплачет.

— Передаем за проезд!

Хрипящий баритон вырвал Виктора из его мыслей и заставил вскинуть голову. И тут же констатировать, что он в очередной раз незаметно для самого себя добрался до остановки. После чего, не останавливаясь, чуть было не залез в троллейбус, идущий в обратном направлении от Публичной библиотеки. Впрочем... Ему подходил и этот маршрут, так как «своим» Виктор стал не только в областном собрании книг, но и в краеведческом (иного, увы, в городе не было) музее, попутно обзаведясь полезными знакомствами среди ученых-историков. Да и сам уже стал разбираться в реалиях и бытовых мелочах четырнадцатого-семнадцатого веков на весьма хорошем уровне — спасибо собственной шизофрении. Правда, попутно пришлось перелопатить и не желая того запомнить просто море ненужной информации... С другой стороны — а чем еще заниматься пенсионеру? Все лучше, чем днями глядеть в телевизор. Тем более что разбираться в свершениях и делах дней минувших оказалось очень занятно, а личный интерес и вовсе делал каждый прожитый день чертовски увлекательным!

«Ну что, в библиотеку или в музей?»

Легкое бурчание в животе заставило вспомнить, что кружка кефира и сдобная булочка утром никак не заменят хорошего обеда днем. И уж тем более вечером, но до таких крайностей Виктор еще никогда не доходил. Мысленно сосчитав наличность, он все же сделал свой выбор — музей!

Конечно, рядом с библиотекой тоже было где перекусить, но в его возрасте рисковать остатками здоровья не хотелось.

«Эх, были времена студенческие! Какую только дрянь не жрал, прости господи, и ни разу кишки не болели. Золотые годы!..»

Желудок опять напомнил о себе раздраженным бурчанием.

«Да иду я уже, иду!»

Пять лет спустя...

— Николаич, ты дома? А? Да вы проходите, чего стоять-то на пороге.

Услышав не по годам звонкий (и при этом отменно визгливый) голос соседки, Виктор едва слышно вздохнул. А различив чьи-то шаги, и вовсе отложил в сторонку одну из своих любимых книг, зачитанную даже не до дыр — до полнейшей потери родного переплета. Впрочем, хуже от этого небольшой труд одного хитроумного итальянца по имени Никколо не стал. Пожалуй, вполне можно было сказать, что новая обертка получилась даже лучше прежней, типографской — самодельная, из толстой кожи и с потертыми латунными уголками, она придавала невзрачной до того книжке вид настоящей рукописи. И не просто настоящей, а еще и довольно часто читаемой, хотя далеко не все идеи Макиавелли были верными, но все же кое-какое рациональное зерно в них имелось. И именно это заставляло читателя раз за разом возвращаться к потрепанным страницам и думать. А еще вспоминать. Все то, чему он был свидетелем в последние двадцать лет, — перестройка, путч, ускоренная демократизация... Все же верно говорят о том, что все новое — это всего лишь хорошенько забытое старое.

— Вот ты где, Николаич! А к тебе тут человек из города.

Плечистый, подтянутый, но при этом как-то странно скособоченный мужчина неопределенно кашлянул и вопросительно уставился на хозяина. Который почему-то был совсем не похож на деревенского знахаря-костоправа — скорее уж на какого-нибудь профессора ну или библиотекаря. Кстати, последнее косвенно подтверждалось и подлинным изобилием печатных изданий, полки с коими покрывали почти все стены немаленького дома.

— Имя у человека есть?

Под тяжелым взглядом пожилого «библиотекаря» приезжий непроизвольно вытянулся (вернее, попытался это сделать) и глухо представился:

— Георгий.

— Возделывающий землю, значит?.. В каком звании?

Мужчина странно дернул головой и с нотками изумления ответил:

— Капитан.

Виктор подошел поближе и как-то странно повел рукой, на мгновение расфокусировав взгляд. Еще раз оглядел просящего (а кем еще он мог быть?) и задумчиво пробормотал:

— Спина?

Коротко глянул на пышущую здоровьем и неумемным любопытством соседку и опять разомкнул губы:

— Иди, Лида.

Недовольно поджав тонкие губы, главная активистка и общественница деревни резко развернулась и поплыла на выход, всем своим видом показывая — как не было, так и нету на свете людской благодарности. Нет, Лидия Ильинична запросто могла бы и поскандальничать насчет того, что ее так бесцеремонно выставляют за порог, но именно в этом доме делать сие было весьма и весьма чревато. Ближайшая больница в пятидесяти километрах, и до нее еще и доехать надо, — а Николаич всегда под рукой. Отварчику даст, рукой поводит — болячки как не бывало! А если сам сделать ничего не может, так говорит об этом честно и к врачу направляет, причем его предварительный диагноз, сделанный без всяких там рентгенов и анализов, всегда подтверждался. Только последнюю пару месяцев он все чего-то не в духе... Нет, вообще-то и до этого мог так глазищами своими зыркнуть, что любой на месте обмирал, но теперь его взгляд и во все стало невозможно выдержать. Как-то еще молоко по деревне не скисает?..

Услышав тоненький скрип разошедшейся калитки, травник (по крайней мере, сам он предпочитал называть себя именно так) неслышно вздохнул и сел напротив нежданного гостя.

— Давно болит?

Капитан как-то рвано кашлянул, но ответил все же предельно спокойно:

— Два года.

— Встань. Повернись. Подними правую руку. Вот здесь и здесь у тебя немеет и перехватывает. Верно? Садись.

Страхнув руки, словно бы они побывали в воде, хозяин дома спокойно поинтересовался:

— А что говорит наша бесплатная медицина?

Медицина, как это ни удивительно, говорила исключительно матом. И капитан, в меру своих скромных сил и возможностей, постарался это доказать.

— Меньше экспрессии, молодой человек, меньше. Карточку не догадались с собой прихватить? Вот и славно. Так, что у нас здесь?

Видя, как обычный деревенский знахарь бегло читает мертвую латынь, написанную к тому же на редкость неразборчивым «врачебным» почерком, Георгий не выдержал:

— Прости... те. Кха! Скажи, отец. — В глазах военного мелькнул едва заметный отблеск надежды. — Мне можно помочь? — И, по-своему истолковав тягучее молчание, спокойно добавил: — Любую цену.

Виктор Николаевич мельком поглядел на гостя незваного и вернулся к пролистыванию весьма пухлой медицинской карточки, а капитану-мотострелку ничего не оставалось, кроме как терпеливо ожидать окончательного вердикта. Пять минут, десять... Чтобы хоть как-то отвлечься от токсичной тишины, Георгий заскользил взглядом по книжным богатствам хозяина, все больше и больше удивляясь сельскому «экстрасенсу»: на слегка потемневших от времени полках спокойно соседствовали «Фауст» философа Гете и «Наука побеждать» генералиссимуса Суворова; самоучитель санскрита лежал на «Истории государства Российского»; краснел затертой обложкой «Большой анатомический атлас», оттеняя своим видом невзрачное, но не менее толстое издание «Месторождения Южного Урала». Коя, в свою очередь, совсем загородила собой «Занимательную химию» и еще какое-то пособие из разряда «сделай-ка, милоч, все сам!».

С трудом оторвавшись от разглядывания всей этой пестрой книжной палитры, мужчина повернул голову обратно — и замер, наткнувшись на небольшой столик, на котором вальяжно возлежал дорогуший даже на вид ноутбук. За-

думчиво помаргивал огоньками радиомодем, рядом с ним высилась немалая стопка дисков... Вот тебе и деревенский дедушка-пенсионер!

— Возьми. Сиди спокойно.

Приняв обратно толстую историю своих болезней, проситель (а в этом уже никто и не сомневался) послушно замер. Но глазами ему шевелить не запрещали и уж тем более не могли запретить смотреть в небольшое зеркало, висящее как раз напротив, — и он глядел, как хозяин опять водит по воздуху рукой. Не быстро и не медленно, вдоль спины, иногда останавливая ладонь в районе лопаток и поясницы. Наконец непонятное действие закончилось, и деревенский знахарь вынес вердикт — правда, сделал он это на чистой латыни.

— А?

Переход на русский тоже не помог. Нет, по отдельности слова звучали вроде бы и знакомо, но вместе складывались в такую тарабарщину!

— Отец, я же человек военный, мозгами не обремененный, мне бы попроще. А?..

— Ходить тебе на ногах от силы год, потом коляска понадобится. Так понятней?

Удар судьбы капитан принял достойно, разве что уголок рта покривил.

— Поможешь?

Но вредный дед опять проигнорировал вопрос, вместо ответа задав свой:

— Женат?

— Уже нет.

Повинуясь требовательному взгляду, Георгий добавил подробностей:

— Еще семь лет назад разбежались.

— Дети?

— Нету. Отец, не крути, скажи как есть!.. Можешь помочь или нет?

Хозяин дома немного прошелся, раздумывая, затем протянул с непонятной интонацией:

— Любую цену?.. Хорошо. Усыновишь ребенка — вернешь здоровье.

— Чего?!

Будто не слыша возгласа, Виктор Николаевич опять зашел за спину и легко коснулся позвоночника. Побледнел, сгорбился... И тихо договорил:

— Надумаешь — приходи.

Разочарованный и (чего греха таить) едва сдерживающий матерные слова мужчина кое-как встал со стула. И замер. Мучительница-боль исчезла!..

— Это ты как это, а?

— Иди.

Много слышал приказов капитан, еще больше отдал сам, но таких, когда вначале начинаешь выполнять, а потом осознаешь, что именно!.. Таких на его памяти было мало. Притормозить ему удалось только у калитки, а полностью остановиться — уже за нею. Постоял. Подумал, время от времени поводя плечами и проверяя, не ушла ли подзабытая легкость движений (а ведь потихонечку уходила!), и решительно пошел к ожидающей его машине — назначенная цена его устраивала.

Три месяца спустя...

— Эй, отец, принимай гостей дорогих!

На сей раз бравого офицера подвезли прямо к ограде дома, и ковылять ему через полсела никакой нужды не было. С ясно видимой натугой (зато самостоятельно!) покинув узик грязно-зеленого цвета и с облегчением утвердившись на всех трех ногах (за последнюю была палочка-трость), Георгий облегченно вздохнул. Затем бросил взгляд на заднее сиденье и тут же зашипел на друга, громко хлопнувшего дверцей с другой стороны. Настороженно замер — но нет, дети и не думали открывать глаз. Разморенные и утомленные вначале ранним подъемом, затем долгой дорогой, а еще вдобавок и августовской жарой, разнополые, но удивительно схожие меж собой близняшки довольно забавно и в унисон посапывали курносыми носиками. Маленькие ангелочки...

— Спят?

— Тшш!..

— Сам ты тш! Иди давай к своему «экстрасексу», пока псины местные не набежали, — уж они-то им быстро побудку устроят.

Молчаливо согласившись с последним утверждением, бравый капитан проковылял сквозь тихонько скрипнущую калитку, отдал дань вежеству, раза три-четыре постукавшись в дверь, и, не дождавшись никакой ответной реакции, прошел внутрь. Миновал небольшие сени-прихожую, прошел насквозь первую комнату и обнаружил хозяина спокойно сидящим в новеньком дорогом кресле-качалке. Учитывая закрытые глаза и руку, покоящуюся на очередной книжке с неразборчивым названием, можно было предположить, что его или сморило от долгого чтения, или он просто дает отдохнуть глазам.

— Кхм...

Никакого отклика на негромкий звук не последовало, и Георгий повторил свой кашель на бис — и на сей раз гораздо громче и ближе к ушам спящего старичка.

— Кхе!!!

И еще раз. И еще. Пока морщинистые, набрякшие веки не дрогнули, открывая совсем не сонные глаза. Тоскливые, недовольные, невероятно пронзительные и удивительно спокойные. Иссохшие губы шевельнулись, выпуская непонятные в своей бессмыслице слова:

— Опять серая хмарь. Что же с ним случилось?

— Отец?..

Совсем не шевеля головой, деревенский целитель охватил его взглядом и без удивления констатировал:

— Ты.

— Я, отец, я.

— Зачем приехал, Возделывающий землю?

В очередной раз подивившись (про себя) величине и обилию тараканов в голове собеседника, капитан пожал плечами.

— Решился?

Не дожидаясь ответа, впился своими глазами в глаза гостя и через мельчайшее мгновение сам же себе и ответил:

— Вот даже как.

Помолчал, затем попросил-приказал:

— Похвались, воин, прибавлением в семействе.

Следуя за хозяином дома к машине, Георгий все никак не мог отделаться от ощущения того, что в прошлый раз фи-

гура знахаря была заметно плотнее, а походка — легче и энергичнее.

«Болеет, что ли?»

А затем терпеливо ожидал, пока тот вдосталь насмотрится на недавно обретенных, но уже по-настоящему дорогих сына и дочку. Одновременно вспоминая, каких нервов и взятку ему стоило оформить все документы, и тихо радуясь. Тому, что смог, успел, настоял и получил свою награду. Даже если старик соврал и его в дальнейшем ждет невеселое существование калеки-пенсионера, два его сокровища, его солнышко и луна — они останутся при нем и будут светить ему в радости и печали. Следовательно, и жизнь его приобретет новые краски и новый смысл.

Установившуюся тишину нарушил пробегающий по своим собачьим делам небольшой кобелек, но не лаем. Сделав небольшой крюк, безымянная и изрядно лохматая псина осторожно ткнулась носом в бедро пожилого мужчины и радостно фыркнула, бешено молотя в воздухе огрызком хвоста. Замерла, принимая немудреную ласку, а потом как ни в чем не бывало потрусилась себе дальше.

Вздыхнув, травник достал из кармана своей безрукавки небольшой блокнотик с карандашом и с минуту что-то писал. Затем с удивительно звонким треском вырвал страничку и протянул счастливому отцу:

— Все, что в списке, можно купить в любой городской аптеке. Сам с детьми ко мне в дом. Начинаем сразу, как придет заказанное.

Закончив последнюю фразу, он спокойно развернулся и ушел, оставив калитку открытой, а капитана и его друга-сослуживца в полнейшем недоумении.

— Чудной дед. А, Жора?

Тот только отмахнулся, с интересом разглядывая полученный «рецепт» и ровные строчки непонятной латыни. Ковырнув кончиком ногтя небольшой лиловый цветочек в самом верху записки и убедившись в том, что тот не приклеен, а являет собой одно целое с бумагой, «пациент» задумчиво хмыкнул. Чуть-чуть помял, понюхал и со вздохом передал товарищу:

— Дед как дед. Ты это — водки пару бутылок прихвати, а? Чувствую, пригодится...

Распаренная, пышущая жаром плоть упруго прогнулась под нажимом длинных костистых пальцев, пропуская острые кончики до самого позвоночника. Массирующее движение, еще одно — и где-то внутри человеческого тела раздался едва слышимый хруст.

— Выдохнул.

— Ха!!!

Узкая ладонь травника неспешно прошла вдоль спины капитана, и тот, безропотно и безмолвно терпевший все три часа мучений, которые травник, словно издеваясь, назвал «подготовкой к лечению», не выдержал и зашипел. И было отчего — по его ощущениям, ему только что щедро плеснули жидким огнем вдоль спины.

— Сегодня переночуешь здесь, старайся попусту не шевелиться.

Пациент, не удержавший вздоха облегчения (пытки закончились!), нашел в себе силы повернуть голову и хрипло поинтересоваться:

— А если по нужде?

Та же ладонь плавно прошла перед его глазами, и последним, что услышал мужчина сквозь внезапно навалившуюся на него дремоту и негу, было тихое:

— Спи.

Приоткрыв дверь парилки, Виктор Николаевич с еле слышным всхлипыванием втянул в себя глоток свежего ночного воздуха, отдающего летним разнотравьем и вкусным березовым дымком. Отер рукавом халата мокрое от пота лицо, присел на ступеньку и задумался.

«Уже не тяну, еще чуть-чуть — и прилег бы на полку рядышком с воякой».

Поглядел на руки и ноги, заметно высохшие за прошедшее время, и без сожалений, но с легкой ноткой грусти констатировал — его время на исходе. Конечно, жизненный путь окончится не завтра, не через год и даже не через три... Быть может. Если не лечить. Но в любом случае — прежняя резвость к нему уже не вернется, никогда.

— Н-да, никогда.

Как глупо и быстро все прошло! Сколько не узнал, сколько не успел, какие возможности упустил!.. Как поздно он понял, насколько интересной может быть жизнь!..

А может, это его подкосила недавняя потеря? Внезапная и оттого еще более горькая? Его вторая жизнь, его сны, чудесные и красочные, переполненные яркими эмоциями и удивительно правдоподобными ощущениями, дающими силы и вдохновение, — исчезли. Теперь стоило ему смежить веки — и вместо ставших привычными и даже необходимыми картин чужой жизни приходила какая-то непонятная мутная хмарь. Серая, пронизанная редкими отголосками тоски и сильного страха, приносящая порой приступы долгой, ноющей боли...

— Что же с тобой случилось, малыш?..

Откинувшись спиной на дверь, набранную из толстых сосновых плашек, Виктор вспомнил о терпеливом капитане, рискнувшем всем ради одного только шанса на выздоровление. Затем мысли перескочили на его двойняшек, удивительно быстро освоившихся в доме и наполнивших его перезвоном своих голосов и удивительно кипучей энергией. За каких-то полдня они успели до полусмерти затиснуть дворового кота, набрать полные карманы всякой ерунды (вроде куриных перьев или камешков затейливой формы) и подружиться с половиной местных дворняжек. Попутно обзаведясь волдырями после знакомства с зарослями крапивы вдоль забора и едва не бултыхнувшись в колодец. Вспомнил, улыбнулся, еще раз вздохнул полной грудью... И резко замер от пронзившей его мысли. А может, и ему тоже? Поставить на карту все ради призрачной возможности продать, пронзить, разметать ненавистную серую хмарь?.. В конце-то концов, ну что он теряет? Свои оставшиеся, весьма невеликие, годы? Или имущество, коим оброс? Его в могилу с собой все одно не утащишь. Так что?..

Словно бы от любопытства, замер и разом загустел ночной воздух. Затем утих тонкий комариный звон, и скромница-луна, покинув белое покрывало облаков, залила все вокруг своим нереальным серебряно-прозрачным светом.

— Решено.

Лечил Георгия старик-травник очень странно и непонятно, но одного у него было не отнять — уже после второго сеанса крайне болезненных «процедур» пациент перестал пользоваться своей тростью. После третьего посещения

бани рискнул потихонечку нагнуться и разогнуться. Пятый-шестой сеансы окончательно вернули ему уже давно и прочно забытую легкость в движениях, ощутив которую, он едва удержал предательскую влагу в глазах.

А две бутылки сорокаградусной так и негодились. Пожилой «экстрасекс» с повадками матерого садиста поил его по утрам и вечерам такой отвратительно ядреной гадостью (называя ее настойками и отварами), что голова и без всякой там водки шла кругом, а уж сознание вырубало — куда там сорокаградусной!.. Кстати, вредный старикашка и сам своей отравой не брезговал, отчего всего за две недели налился румянцем, слегка поплотнел телом да и в резвости заметно прибавил. И все бы было хорошо, если бы...

— Погоди, отец, — что значит «для закрепления результата надо пройтись до одного места»?

— То и значит.

— А чем тебя баня не устраивает?

Травник недовольно поглядел на воспрянувшего духом офицера и развернуто ответил:

— Всем.

— Отец, ну объясни ты по-человечески, зачем нам с тобой куда-то тащиться пешком? Послезавтра друг на узике приедет... Кхе-кхем!

Под тяжелым взглядом хозяина дома возражения просто перекосило в глотке, и даже последний довод не помог:

— А на кого я мелких своих оставляю?

— Лида с ними посидит. Рюкзак вон там, собран, завтра по росе выйдем, за полчаса доберемся. К вечеру... Вернешься.

Следующим утром, пытаясь не отстать от спутника-пенсионера, передвигающегося (налегке, между прочим!) по всяким там буеракам и оврагам с неприличной для своих почтенных лет сноровкой и скоростью, Георгий сам себе и ответил — почему же нельзя было дожидаться машины и как белые люди добраться на ней до того самого «нужного места».

— Да тут не узик, тут вертолет нужен. Что за кроты все так перекопали!

Не дождавшись ответа от спины, затянутой в выцветшую от времени и солнца брезентовую ветровку, отец-одиночка поправил соскользнувшую с плеча лямку нетяжелой торбы, попытался вспомнить, когда у него в последний раз был

марш-бросок (ой давно!..), и прибавил ходу. Березовая рощица, широченное поле разнотравья, густой дремучий ельник, небольшое лесное озерцо и питающий его крохотный ручеек...

— Здесь.

Разомлевший от многообразия видов природы, Георгий с легкой оторопью и настороженностью обозрел точку финиша. Повертел головой, пытаясь угадать, отчего это прямо в лесу могла organizоваться четко очерченная проплешина голой земли, на которой не то что кусты — сорная трава и та не пожелала расти. Следов недавнего пожара не нашел, зато вдруг понял, что уж больно странная тишина вокруг стоит. Тревожная. Затем осторожно протянул вперед руку, немного подержал — и тут же почувствовал, как она наливается слабостью. А вслед за этим и другое чувство пришло, очень даже нехорошее — неуверенности и тревоги.

— Отец?..

На объяснения он, честно говоря, особо и не рассчитывал.

— Даже яд может быть лекарством.

Ответ все же прозвучал, но он его так и не понял. Повинуясь скупым жестам, капитан скинул с себя рюкзак, послушно выпил очередной гадости, выбившей из глаз крупные слезы, заголил по пояс и переступил границу меж сочной мягкой зеленью и мертвой землей. Почувствовал, как на лопатки легли две теплые ладони, и... Для начала на лбу выступила испарина. Затем ласковый огонь прошелся по каждой клеточке тела, смывая все следы прожитых лет. Приятно зудела кожа, довольно и расслабленно тянуло где-то внутри, а потом наступила удивительная легкость, от которой захотелось захлеб смеяться и орать.

— Хха!!!

И тем обиднее был неожиданный толчок в спину, после которого он вывалился из круга, кое-как успев вытянуть перед собой руки и за малым не пропахать носом дерн.

— Хорошего помаленьку, Возделывающий землю.

Ворочая ставшее вдруг очень тяжелым и непослушным тело, Георгий, как гордый лев (то бишь на карачках) добрался до своей ветровки. Трезво оценивая свои силы, надевать ее он не стал, а просто завалился (на нее же) боком.

— Полежи пока так, скоро оклемаешься.

Порозовевший и вроде как даже помолодевший травник без особой натуги приподнял обессилевшее тело, устраивая его поудобнее. Затем вытряхнул из рюкзака небольшую фляжку, в три глотка ее опустошил, а торбочку хозяйственно свернул и подsunул под голову пациента, обеспечивая ему тем самым дополнительный комфорт. Сел рядом, вздохнул. Минут пять помолчал. А потом заговорил, вбивая гвозди своих слов в податливый разум слушателя:

— Все, спина в порядке. Да и остальное поправил, что было. Сто лет не обещаю, но еще четыре десятка протянешь точно... Если сам дурить не станешь.

Дед помолчал, затем удивительно плавно поднялся. И как-то разом стало заметно, что на его лице полыхает багрянцем нездоровый румянец, а зрачки расширены так, что и белка почти не видно!.. Аккуратно снял свою ветровку, укрыв расплывшегося медузой по земле Георгия, положил рядом с ним непонятно откуда взявшийся конверт и, чуть-чуть помедлив, шагнул в дьявольскую плешь.

— Если что, вон там все объяснения и инструкции. Помни наш договор. Нарушишь — за собой утяну!..

Попытавшись сказать ну хоть что-нибудь в ответ, мужчина еле-еле дернулся, тихо вздохнул и сонно засопел — на что-то более громкое и заметное просто не было сил. А сухопарая фигура травника отвернулась, добралась до середины мертвой полянки, неспешно улеглась на спину и застыла.

На душе у Виктора было легко и свободно: все дела сделаны и долгов больше нет. Разве что иногда чуток пощипывала совесть, напоминая о том, сколько забот и неприятных хлопот свалится на его последнего «пациента».

«С другой стороны, завещание на его имя поможет Георгию меня простить. Может, даже и дом продавать не будет. Библиотеку вот только жалко, столько собирал...»

Мысли катились лениво и грузно, дыхание замедлялось, перед глазами крутились непонятные вспышки черного и белого, все ближе был сон, и уже ощущалась та самая хмарь. Ненавистная, давящая и такая непреодолимая!.. Еще ближе, еще сильнее — и, закутавшись в собственную волю, питаясь надеждой и страстью, он начал давить. Продираясь сквозь вязкие тенета, выжигая их собственной жизнью и

болью, он уходил все дальше и глубже в неподатливую преграду, теряя частицы себя и уже не думая о возвращении. Мимоходом на задворках сознания пронеслась картинка собственного тела, подергивающегося в судорогах агонии, но все заслонил слабый отблеск близких чувств. Чужих, но таких знакомых, щедро приправленных болью и непонятным страхом. Да!!! Еще немного, еще чуть-чуть...

ГЛАВА 2

Никогда еще пробуждение не было таким мучительным. Старость не радость — тело даже не ныло, оно просто захлеб плакало и кричало, категорически отказываясь хоть чуточку шевелиться. Шумело в голове, полное бессилие и тянущая пустота в животе, и даже веки приоткрыть — и то представлялось непосильным подвигом.

«Что ж, неудача — тоже результат. Зато выжил... Ох! Наверное».

Грудь прострелил острый спазм, заставив сердце потерять свой ритм и беспомощно затрепыхаться. Переждав ноющую боль, а заодно приведя мысли хоть в какой-то порядок, Виктор попробовал приоткрыть глаза. Удивляясь неудаче, попробовал еще раз. И еще. Попытки этак с пятой это удалось — и тут же резко полоснуло светом, да так ярко, что он едва не застонал. Вернее, попытался это сделать, да вот незадача — даже такой малости не получилось.

«Да что же такое, валяюсь, как древняя развалина!»

Обдумав и покрутив со всех сторон внезапно пожаловавшую мысль — о том, что его полностью парализовало, — травник с тяжелым вздохом (увы, несколько виртуальным по причине странной немочи) признал и принял такую возможность. Хотя он вроде все просчитал и подготовился знатно, да только разве же все предусмотреть? Тем более что можно было только предполагать, как будет сочетаться действие не самого полезного для здоровья отвара, усиливающего его более чем скромные способности, и выход геомагнитной энергии, по дурости и незнанию называемый местными Мертвой полянкой. Ну и что с того, что по отдельности все это ему помогало лечить? Никто ведь и не обе-

шал, что такое сочетание поможет ему в главном деле. Вернее, в достойном завершении не впустую (хотелось бы надеяться) прожитой жизни.

Шшу-у-у!

На мгновение ему показалось, что часть шума раздается не только в его голове, но и снаружи.

«Да нет, ерунда».

Зато вдруг до невозможности остро зачесался нос. Следом резко вернулось обоняние — и до разума тут же дошел неуместно густой запах горячего воска и еще чего-то, смутно знакомого. Оpoznанного спустя несколько мгновений как запах ладана.

«Не понял, меня что, в церковь притащили? В больницу надо, ироды!»

Уже не обращая внимания на все усиливающуюся резь в глазах, Виктор стал потихонечку раскрывать веки, привыкая к боли и потоку яростного, буквально обжигающего зрачки света. Почему-то с явным красноватым оттенком — слава богу, чем дольше его веки оставались приоткрытыми, тем меньше становилась резь. И тем больше становилось видно — что?.. Что он лежит непонятно где. Нет, на церковь или морг помещение вроде бы не походило (что уже радовало), но и сходства с собственным, изученным до малейшей трещинки и паутинки домом тоже не было, причем целиком. Полутемное помещение с низкими и почему-то серыми потолками, на которых можно было заметить следы легкой копоти. На едва различимой рядом стенке гуляли размытые тени от множества горевших свечей, воздух был спертый, вдобавок на лбу обнаружился кусок ткани. Изрядно, между прочим, затрудняющий обзор. А челюсть вообще оказалась подвязана, на манер старушечьего головного платочка.

«Да что за хрень?..»

Прикрыв заслезившиеся глаза, травник постарался успокоиться. И вспомнить — ну хоть что-то. Если его последний пациент прочитал записку — значит, нашел и завещание. Если нашел завещание...

«Ну хотя бы в нем я не ошибся, и в чистом поле меня не бросили — и то радость. Вот только с какого это перепугу

врачи посчитали, что я умер? Нет, надо это дело заканчивать!»

Привычное усилие — и в солнечном сплетении тут же образовался еле заметный комок жизненных сил. Запульсировал, с неохотой подрос... И пропал, сметенный настоящим калейдоскопом странных картин и образов. Серая хмарь, отчаяние, почти эйфория от успеха, вспышка сильного страха... Чужого страха? Своего? Все так переплетено, что уже и не понять, где его чувства, а где чужие. Проходящие прямо сквозь него потоки чего-то такого, чему нет и не может быть названия в привычном языке, ощущение немислимой скорости и полного покоя одновременно, вспышки белого и черного света... А в конце — чудовищно сильный удар-столкновение с кем-то или чем-то, рассыпавший его сознание карточным домиком. Еще удар, на сей раз слабее, затем падение в бешеный водоворот из обжигающего невероятным холодом пламени, в котором все рассыпавшееся собралось и сплывилось, — а затем темнота, полная и беспросветная...

«С отварчиком переборщил, однозначно. Хм... так, может, у меня обычная галлюцинация?»

Наконец откликнулось и ожило средоточие его сил, непривычно зыбкое и слабое, подросло и... Бессильно угасло. Что ж, и такое с ним бывало — особенно поначалу, когда он только обнаружил у себя странные, но удивительно полезные (и безумно интересные) способности. Вновь небольшая концентрация вместе с осязательным усилием — и в солнечном сплетении появился теплый огонек силы. Неспешно, даже осторожно подрос — и опять угас, волной слабой боли прокатившись по организму. Еще попытка. Еще одна. Еще.

«Похоже, все, доигрался. Тело как колода, оглох, почти ослеп, да еще и средоточие не отзывается...»

Горло сдавил едкий комок горечи, зрение еще больше расплылось, а потом поживший и многое повидавший мужчина обнаружил, что плачет. Набухли вены на лбу и шее, раскрылся в беззвучном крике рот, по груди пробежала невидимая дрожь почти что агонии — и словно в ответ откликнулась и слабо-слабо заппульсировала почти неощутимая искра. Его последняя надежда, последнее средство, послед-

ний шанс!.. Холодели ноги и руки, синели губы и бледнело лицо, замедляло свой и так редкий стук ослабевшее сердце — и все больше и больше наливался живительным огнем маленький колючий клубок в центре живота. Тихий вдох, долгий выдох, длинное мгновение полной тишины — и ожившее средоточие пустило по телу первую волну. За ней следующую, чуть слабее, еще одну, и напоследок, совершенно неожиданно — горячим лучом прострелило сквозь сердце в правую руку.

— Схха-а!!!

Сама по себе дернулась и расширилась грудь, глубоко вбирая тяжелый, стоялый и такой живительный воздух. Сбрасывая неприятное онемение, шевельнулась левая нога, потом неконтролируемо дернулись щеки и губы, а затем уже и правая рука слабо-слабо приподнялась — убрать изрядно раздражающую тряпку со лба. Приподнялась и замерла — потому что вместо нее Виктор увидел переливающийся разноцветными красками контур человеческой фигуры, заполненной чем-то вроде разноцветной сеточки-паутинки.

— Ох!!! Господь мой вседержитель!!!

Где-то за головой что-то с шумом и звоном упало, раздался гулкий всхлип-вздых, а затем и невыносимо громкий топот удаляющихся шагов. А шестидесятилетний травник сморгнул раз, другой, окончательно возвращая себе нормальное зрение, и незамедлительно впал в полнейший ступор. Потому что рука, которую он с большим усилием удерживал перед лицом, была чужой. Но притом вполне знакомой. На тыльной стороне ладони мелкий шрамик, полученный от уголька, длинные тонкие пальцы с изрядно отросшими ногтями, тонкий ободок серебряного колечка... В голове опять зашумело, странными рывками закрутился потолок, а запах ладана стал просто невыносим.

«М-малыш?!»

В жаркое лето года семь тысяч шестьдесят восьмого от Сотворения мира¹ по длинным и сумрачным переходам Александровского кремля торопливо шагал высокий и ши-

¹ Соответствует 1559 году от Р.Х.

рокопечий мужчина двадцати девяти лет. Отмахиваясь, а то и вовсе не обращая внимания на низкие поклоны служек, совсем не оглядываясь на ближних бояр, топающих в легком отдалении, божией милостью Великий государь, царь и Великий князь всея Руси — удивительно легким шагом мчался в хорошо известные ему покои. За спиной осталась прерванная на середине соколиная охота и отложенное заседание «Избранной рады», а также прячущий взгляд гонец, принесший тяжелую весть. Затем долгая скачка, запаленный жеребец, тяжелые мысли и бессильная злоба пополам с тоской — вначале сильно занедужила любимая жена, потом умер первенец. Его любимец, его наследник! Многочисленные молитвы о ниспослании исцеления, усилия сразу двух иноземных лекарей, обильные пожертвования матери-церкви — все было бесполезно, и чем дальше, тем было понятнее, к чему все шло. Но надежда — надежда и вера в лучшее — еще теплилась, до последнего мига... И вот уже на виду белоснежных стен Александровской слободы его встретил второй гонец. За невероятную новость с ходу обласканный крупным перстнем, да прямо с царской руки. Большая честь!.. Иные годами о такой мечтают.

— Говори!

Человек, уже давно осознавший и принявший тот поистине прискорбный факт, что быть личным лекарем царственных особ не только почетно, но (временами) еще и смертельно опасно, — этот человек согнулся в низком поклоне еще до того, как прозвучало негромкое повеление. Затем, старательно контролируя лицо и интонации голоса, подтвердил все надежды московского властителя — а также, вполне возможно, и собственный смертный приговор:

— Царевич Димитрий жив, государь.

Глаза царственного родителя, еще недавно тоскливые, а затем готовые полыхнуть испепеляющим гневом, застыли в радостном неверии. После чего рука великого князя будто бы по собственной воле троекратно перекрестила высокое чело, а четко очерченные губы шевельнулись в начальных строках молитвы.

— Очень слаб. Очень! Но ему явно лучше, он даже смог сам поднять руку и явственно попытался перевернуться на бок! Езус явил нам истинное чудо, и я...

Лекарь вспотел, и одновременно его бил озноб. Так ошибиться! Одно утешает — если что, на виселицу или плаху он пойдет не один, а в теплой компании коллеги-конкурента из Голландии. Ибо Арнольд Линзей тоже осматривал принца крови и вместе с ним констатировал его смерть!

— Думаю, что худшее уже позади. Царевич обязательно поправится.

Внимательный взгляд прошелся по человеку в темных одеждах, затем великий государь благосклонно кивнул и проследовал дальше, так больше ничего и не сказав. Но Ральф Стендиш даже и на миг не усомнился — его слова услышали и запомнили, и теперь уже его жизнь полностью зависит от состояния восьмилетнего наследника. И если, не дай бог!.. Даже от мыслей на эту тему холодела кровь и слабели ноги. А вот у царских ближников кое-какие предположения явно имелись — уж больно выразительно они глядели на согнувшегося в очередном поклоне лекаря, следуя за своим повелителем. Воистину стоять рядом с тронном — стоять рядом со смертью...

Оживший сон оглушил и поразили Виктора так сильно, что мимо его разума прошло и появление небольшой толпы смутно знакомых людей, и их негромкие голоса, и даже осторожные, явно ласковые прикосновения одного из них. С орлиным носом, густой гривой иссиня-черных волос, жестким изгибом губ и почти ощутимым ореолом власти — он трепетно и нежно гладил его по плечу и руке, явно обрадовавшись, когда она у него непроизвольно дернулась. Что-то тихо сказал, перекрестил, еще раз коснулся щеки, вытирая струящиеся слезы, и почти неслышно отступил. Затем... Все с тем же равнодушием и отстраненностью бывший травник наблюдал, как его перенесли из комнатки в средних размеров залу, быстро и ловко сменили одежду, перед этим попутно обмыв его нынешнее худенькое тельце, и провели что-то вроде медицинского осмотра. Очень небрежного и поверхностного. Затем влили в него пару ложек какой-то кисло-горькой бурды и наконец-то оставили в покое, позволяя измученному разуму потихонечку приходить в себя. И осознавать, что же именно он сделал, — вместо того чтобы убрать преграду ну или (самое большее) хоть

как-то помочь мальчишке из своих снов, он попросту его убил!..

Два дня и две ночи пролетели для него как единый миг, ибо к неимоверно жгучему чувству вины добавились и иные муки. Обрывки чужих чувств и осколки чужой памяти выжигали свои пламенные следы в его сознании, становясь ЕГО чувствами и его памятью. Тысячеголосым шепотом в ушах, мельтешением картин — все прежние его сны были всего лишь блеклой тенью, ничтожным отзвуком того, что он переживал и впитывал. Два долгих как вечность дня, за которые он прожил целую жизнь, в которой учился ходить, играл с братом, первый раз прочитал вслух из книги целую молитву, с восторгом коснулся полированного булата отцовской сабли и капризничал, выпрашивая у няньки лишний кусок медовых сот... Все это было — как и неловкое падение с коня во время одного из занятий. А потом долгие дни и бессонные ночи, заполненные ноющей болью в спине. Противное питье и порошки, слова утешения отца, слезы матушки...

В себя он пришел от скребущего по ребрам изнутри острого чувства голода и гадостного привкуса на языке и долго пытался понять — почему он опять ничего не видит. Так ничего и не выяснив, ужасающе медленно подтянул-проводок по телу единственную послушную ему руку и кое-как смахнул с лица что-то мокрое и противное.

Шлеп!

Падение тряпки почему-то сопровождалось сдавленным «Ох», затем была удаляющаяся дробь мягких шагов. Довольно скоро вернувшихся в компании легкого шороха одежды, поскрипывания сапог и почти неощутимой волны резких запахов:

— Вот!

— Оу!

К запястью правой руки прикоснулись чужие пальцы. Затем они же ощутимо надавили на подбородок, заставляя рот распахнуться едва ли не на всю ширь, предусмотренную матушкой-природой, и царапнули по сухому языку. Довольно болезненно оттянули веки, подержали их так несколько мгновений и опять вернулись на запястье.

— Так!..

Немного скосив глаза, Виктор с легкостью обозрел того, кто всего за две минуты смог разозлить его своей бесцеремонной наглостью. А увидев, как незнакомец опять тянет свои грабли (немытые, между прочим!) к его лицу, он и во все брезгливо дернулся, слегка отстраняясь.

— Превосходно!!! Немедля известите великого государя — царевич пришел в себя!

За следующий десяток минут он едва не сошел с ума от бессильной злобы. Вначале шарлатан в черном кафтане продолжил свой «осмотр», залезая грязными пальцами то в рот, то в ухо, и периодически задирая долгополую рубашку едва ли не до затылка — причем как спереди, так и сзади, болезненными постукиваниями и надавливаниями «исследуя» ноги, живот, ребра и позвоночник. А потом, недолго побренчав разнокалиберными бутылочками и плашками, начал поить его «микстурой», в которой опытный травник без особого труда опознал два компонента, к тому же еще и разбавленных какой-то совершенно непонятной ерундой.

«Я только-только пришел в себя — а этот дятел уже пичкает меня таволгой вязолистной¹ и пыреем?² Слабительным? Да он совсем охренел, что ли! Ах ты, сука, зубы мне разжимать?!»

— Хмрф!

— Оу!!!

Вошедший в залу великий князь увидел воистину радостную картину — его сын, еще недавно лежавший при смерти, очнулся и набрался сил настолько, что смог выплюнуть целебный взвар. Причем не куда-нибудь, а точнехонько в лицо склонившегося над ним врачевателя Стендиша.

— Митя!

Приблизившись к ложу больного вплотную, государь коротко глянул на лекаря, склонившегося в поклоне, и осторожно погладил сына по голове.

— Вижу, чадушко, идешь на поправку. Умница мой!

Унизанные перстнями пальцы нежно взъерошили и без того растрепанные волосы.

¹ Таволга вязолистная — стимулятор центральной нервной системы.

² Пырей оказывает среднее слабительное действие.

— Скоро совсем оздоровеешь, поедem с тобой в Москву, к матушке. Да, сыно?

Мальчик на ложе едва заметно кивнул. Царь же еще раз взъерошил волосы и с лукавой усмешкой покосился на обтекающего лекаря:

— Вот и славно, вот и хорошо. Ах да!.. Хоть и горькое питье, да лечебное — с ним ты быстрее на ноги станешь.

Повинуясь небрежному жесту, подскочивший Ральф аккуратно влил остатки своей микстуры в малолетнего пациента.

— Умница мой! Ну, отдыхай, я позже опять тебя проводаю.

Успокоившийся мальчик проводил отца взглядом, потом с молчаливым предупреждением оглядел своего лекаря и с поистине детским интересом стал разглядывать залу. Потом его внимание переключилось на сиделку, молчаливой тенью застывшую невдалеке от его ложа, затем его глаза стали потихоньку закрываться...

— Уснул. Как проснется, позвать меня!

— Будет сделано, боярин.

«Не уснул, а видеть тебя уже не могу. Лекарь-калекарь, блин!»

Без особого труда имитируя глубокий сон, Виктор... Или уже Дмитрий? В голове по этому вопросу все изрядно перемешалось. Да, он помнил почти все из прежней жизни, но так же прекрасно он помнил и свою недолгую жизнь ЗДЕСЬ, где бы это здесь ни было. Он был и Виктором, и Дмитрием сразу, и ни одним из них. С первого свою плату взяла нереальность, сквозь которую он прошел-продрался, а со второго — смерть, забравшая личность, но оставившая изрядную часть памяти. То, что получилось в результате... В общем, теперь ему предстояло заново познакомиться с самим собой. Повышенная эмоциональность и чувствительность восьмилетнего мальчика — и зрелый разум шестидесятилетнего мужчины. Знания и опыт целой жизни, перемешанные с любознательностью и жизнерадостностью того, кто только начинал жить. Гремучая смесь!

«Теперь понятно, почему так трудно отзывается средоточие. Удивительно, как оно вообще отзывается! Ну, благословясь, попробуем».

Тепло и жизнь, наполняющие тело, стали потихоньку концентрироваться в животе, медленно и осторожно сплетаясь-сливаясь в горячую точку. Она подросла, запульсировала в такт с ударами сердца, увеличилась еще — и вот в солнечном сплетении уже и не точка, а едва ощущаемый колючий клубочек силы. Покалывающий внутренности колючими лучиками разрядов, готовый раствориться при малейшей ошибке или недостаточном усилии воли, жадно впитывающий невеликий запас жизненных сил и такой родной! Чувствуя, что надолго его не хватит, травник очистил сознание, приготовился к боли и толкнул лучики-разряды вдоль позвоночника и по рукам-ногам. И едва удержался от стоны — до того были сильны болезненные ощущения в спине и левой ноге. Чуть менее сильные, но тоже очень чувствительные вспышки пришли от руки и двух ребер справа, и совсем слабо откликнулась левая рука.

«Как минимум повреждение позвоночного столба и ноги. Перелом? Оттенок боли вроде бы не тот. В отличие от трех ребер, в которых точно была трещина. Правая рука?..»

Жалкие остатки силы разрядились в руку. После чего мальчику во второй раз показалось, что он видит странную сеточку-паутинку. Только на сей раз не одну, а сразу две, занятно переплетающихся между собой, причем первая была светло-синей, а вторая, едва заметная, — багрово-красной.

«Какой у меня хороший отвар получился. Даже после смерти видения ловлю!.. Так. Правая рука — повреждены нервы и связки. Получается, что более-менее шевелить я могу головой и левой рукой. И то радость. Хм... что-то больно уж интересный набор болячек получается!..»

В голове медленно всплыло воспоминание об уроке верховой езды. Смирная кобылка Рябинка, испугавшаяся непонятно чего и резко взбрыкнувшая крупом, короткое падение на ужасно твердую землю, неприятный хруст и боль, от которой невозможно дышать, — а потом испуганные шепотки толпы и раз и навсегда укоренившаяся в спине боль.

«Бедный малыш! Как же ему было страшно и одиноко! И тоскливо, когда он понял, что даже всемогущий отец не может заставить лекарей вылечить его. Он... Медленно умирал? Потеряв интерес к жизни и окружению, лежал с закры-